

УДК [159.964.2:82-98]+821.161.3

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АРХЕТИПЫ В БЕЛОРУССКОЙ АНТИУТОПИИ

Е.В. СВЕЧНИКОВА

(Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск)

Врождённая способность человека к структурированию опыта приводит к формированию образов культуры – этнокультурных архетипов. Анализируются трактовки архетипа и рассматриваются этнокультурные архетипы Города, Земли, Звезды, Музыки, Родины-матери на материале белорусской антиутопии. Рассматриваются два подхода к пониманию архетипа: психоаналитический и филологический. Используя юнгианский подход к исследованию белорусской культуры, автор применяет положения архетипической теории к анализу символики и мотивов белорусской антиутопии. Изучение литературных произведений с точки зрения архетипологии даёт возможность выявить ранее не изученные аспекты культурных текстов. Показано, что архетипический пласт белорусской культуры ещё не достаточно разработан. Данное исследование является авторским вкладом в отечественную герменевтику и симвонологию.

Концепция «архетипа» давно и плодотворно используется в гуманитаристике. В настоящее время сформировались два подхода к пониманию архетипа: психоаналитический и филологический. Психоаналитический базируется на трудах З. Фрейда и К.Г. Юнга. По предположению К.Г. Юнга, помимо личного бессознательного существует коллективное, состоящее из инстинктов и архетипов, а система последних составляет структуру психики [1, с. 151 – 153]. Архетип – не представление/содержание, не конкретный мифологический образ/сюжет, он – бессознательная предформа, структурирующая образы переживания, или, иными словами, реакция генотипического вида психики [1, с. 385 – 386]. То есть в процессе жизни врождённая способность человека к структурированию опыта приводит к формированию образов культуры (в современной терминологии – этнокультурных архетипов). Сознанию доступен только архетипический образ – символ.

Основная часть. Для классификации архетипов К.Г. Юнг избрал преимущественно антропоморфные образы (матери, дитяти, анимы, анимуса, старца и т.д.), упоминаются также геометрические и числовые архетипические образы, например, мандала и четверица как образы самости психики [1; 2]. Некоторые архетипы (тень, персона) ассоциируются с поведенческой моделью.

Архетипическая теория К.Г. Юнга получила развитие в трудах его последователей: Э. Нойманна, М.Л. фон Франц, Дж. Хендерсона, Дж. Хиллмана, Э. Эдингера, А. Яффе и др. Юнгианцам свойственно понимание архетипов как врожденных автономных психических структур.

Отметим, что З. Фрейд и фрейдисты первоначально отвергали гипотезу об унаследованных инстинктивных способах поведения (архетипах). Впоследствии З. Фрейдом была принята гипотеза о наличии «архаических остатков» в «Сверх-Я», и способность человека к символизированию стала интерпретироваться как «филогенетическое наследство» [3, с. 179].

Юнгианцы и фрейдисты сходятся на том, что способность к символизированию общечеловеческая и проистекает из фундаментальных особенностей человеческой психики.

Наряду с психоаналитической трактовкой архетипа существует иная, подразумевающая исключительно социокультурную трансляцию архетипа – позиция Л. Кожуховской, В. Конона и др. [4, с. 41; 5, с. 17]. С течением времени в филологических исследованиях термин «архетип» стал пониматься как фундаментальный общечеловеческий мифологический мотив или схема представлений [6, с. 111].

Герменевтический потенциал архетипической теории плодотворно используется в рамках гуманитарных наук. Выявлением архетипических основ сказки занимался К.Г. Юнг, а в дальнейшем – его последователи: Х. Дикманн, Дж. Кэмпбелл, М.Л. фон Франц, и др. Юнгианская герменевтика основывается на представлении о том, что персонажи сказки соответствуют какой-либо психической функции (мышлению, интуиции, чувству, ощущению) и «...имеют в своем основании не индивидуальное Я, но архетипические образы» [7]. На архетипологии К.Г. Юнга базируется исследование мифоцентрического текста австрийский славист А. Ханзен-Лёве, объединяющий семиотический подход с юнгианским. Многолетние исследования болгарского фольклора проводит приверженец юнгианского подхода А. Анчев. Российский филолог Ю. Доманский реконструирует архетипические значения мотивов и символов, анализируя семантику одинаковых мифологем и выявляя их инвариантный смысл.

Архетипическая теория используется не только в психологии и литературоведении, но и в искусствоведении. Белорусский киновед Н.А. Агафонова проводит анализ символики и метафоры кинофильмов, акцентируя внимание на архетипической природе жанрового фильма, который «воспроизводит в открытом (чистом) виде универсальные биполярные архетипические основания» [8, с. 77]. Юнгианский психоаналитик Т. Гибсон показывает связь кино как такового с процессом индивидуации и выявляет его ключевой архетип (Самость) [9]. Юнгианский анализ научно-фантастических фильмов, фильмов ужасов, и фильмов в жанре фэнтези проводит Дж. Яцино (Jaccino), обнаруживая ключевые юнговские архетипы

во множестве фильмов и выявляя их наличие в рекуррентных темах. Исследователи подчёркивают, что юнгианский подход обладает богатым потенциалом для исследования различных жанров народного творчества и профессионального искусства (литературы, кино, театра и т.д.).

Цель настоящей работы – применение положений архетипической теории к анализу символики и мотивов белорусской антиутопии.

Необходимость использования юнгианского подхода в исследованиях белорусской культуры назрела давно. Белорусский филолог И. Чарота ещё в середине 90-х годов призывал к изучению «доминантных признаков своеобразной системы отражения мира» – белорусских архетипов [10, с. 103 – 104]. Исследователь Я. Мирончик высказала предположение: «...зооморфные мифологические образы являются эмоционально-психологическим кодом, который позволяет нам постигнуть семантику архетипов белорусов, а значит, и свою генетическую сущность» [11, с. 36]. Исследователь Т. Шемякина полагает, что благодаря символу «...можно определить главные особенности национального менталитета и национальной литературной традиции» [12, с. 109].

Белорусский этнокультурный архетип «болото», ряд растительных и животных образов, а также архетип границы и переходности проанализировал И. Чарота [10]. Это направление исследований продолжила белорусский культуролог Л. Кожуховская, в работе которой анализируется ряд архетипических образов, связанных с космосом, фауной, жилищем и интерьером [4]. Искусствовед Н. Пискун выступила с концепцией театральности архетипов и проанализировала их проявления в белорусском школьном и народном театре. Большой вклад в изучение архетипических образов/символов и их связи с национальным менталитетом внесли И. Мячикова, А. Ненадавец и др.

Таким образом, архетипическая теория может применяться и применяется для культурологического (равно как филологического и искусствоведческого) анализа произведений, обладающих вербальной природой и/или образным рядом.

Антиутопические произведения насыщены архетипическими образами, поэтому в качестве базы культурологического анализа современной белорусской антиутопии нами была выбрана архетипическая теория К.Г. Юнга. Положения архетипической теории не применялись отечественными учёными для анализа и интерпретации антиутопий. В зарубежной науке примеры юнгианского анализа текста антиутопий крайне редки (известно, что К. Коллинз анализировал антиутопию Е. Замятина «Мы», У. Тупонс – творчество Р. Брэдбери).

Юнгианское толкование текста связано с пониманием последнего как структуры из архетипических образов. Внешнее (сюжет) соответствует внутреннему (становлению личности, процессу индивидуации): это (герой мифа, сказки) побеждает собственную тень и комплексы (чудовищ) и воссоединяется с бессознательным – с анимой (брак), что означает обретение целостности личности. Важнейшими архетипическими образами в антиутопии являются самость, тень, персона, герой, анима. Приключения героя формируют сюжет, персона и тень выступают в качестве противоположных начал: социального и природного. Мудрый старец – антагонист, анима и мать – помощники протагониста. В финале герой обретает самость, гармонию с собой и с миром. Наличие символа круга, архетипического образа целостности/самости, – характерная черта антиутопии.

Во многих белорусских антиутопиях фигурирует этнокультурный архетип Матери-Земли и синонимичный ему архетип Родины-женщины (Родины-матери, Родины-девушки), этнокультурные архетипы Звезды, Музыка/Песни, Города. Ключевой белорусский этнокультурный архетип, связанный с экзистенциальными ценностями, – Земля. Точно выразил сущность этого архетипа искусствовед Р. Смольский: «Именно она, земля, для крестьянина – и сама жизнь, и свобода, и независимость, и сама Отчизна» [13, с. 158]. Для этнокультурных архетипов характерны устойчивые семантические связи. Например, в текстах связаны по смыслу: жизнь и земля; душа, жизнь, музыка/песня и свобода; душа, жизнь (судьба) и звезда.

В антиутопии В. Гигевича «Корабль» (1989) особенно четко прослеживается архетипическая основа, главный герой проходит ступени индивидуации (самосовершенствования и развития души), уходя из состояния, именовавшегося в античности «гибрис», а в юнгианстве – «инфляцией». В повести наличествуют ключевые архетипы (анима (героиня Альмина), мать (мать протагониста), мудрый старец (учитель и его ложное учение), самость (всевозможные символы круга и шара), тень (чудовища, а также подавляемые эмоциональность и чувственность главного героя, Иахама), персона (социальная маска протагониста)).

В повести В. Гигевича можно выделить этнокультурный архетип Музыка/Песни, архетип, играющий особенно важную роль в белорусской культуре (достаточно вспомнить классические произведения «Симон-музыкант» Я. Коласа, «Дудка белорусская» Ф. Богушевича). Архетип Музыка/Песни – символическое выражение народной души, это голос народа. В произведении «Симон-музыкант» музыка связывается с душой творца, с правдой и свободой. Эту традицию понимания концепта «музыка» («песня») продолжает В. Гигевич. Песня матери в повести «Корабль» имеет коннотации с традициями, родным языком, родной землёй, духовностью, мечтой – с истинной человечностью. С этнокультурным архетипом Песни тесно связан этнокультурный архетип Звезды, имеющий коннотации «душевная красота», «духовность» и «судьба» [4, с. 72]. Этнокультурный архетип Звезды в антиутопии В. Гигевича ассоциирован с духовностью, нравственностью.

Белорусский этнокультурный архетип Города формировался не одно столетие и к XX веку вполне сформировался как лексема, имеющая негативные коннотации. Ещё философ-моралист Ю. Доманевский (XVI – XVII вв.) высказывал мнение, что город опасен и напоминает Содом: там собираются дерзкие предприимчивые люди сомнительного поведения, там роскошь и непристойные забавы, там меньше почитают бога, чем в деревне [14, с. 60]. Специфическое отношение ряда белорусских авторов-антиутопистов к урбанизации и урбанизму идейно близко к позиции Ю. Доманевского. В белорусской антиутопии город выступает как место гибели последнего человека (Н. Костюкевич «Мегаполис Бхагавад-гита»), как «криводушный и грязный мегаполис», в центре которого лежит «полусгнивший труп», а также как место жительства каннибалов (Ю. Станкевич «Письмо в Галактику “Млечный путь”»), как центр гибели мира (А. Щуцкий «Шахид»), как причина вырождения человеческой цивилизации (В. Гигевич «Крыбаки», Э. Скобелев «Катастрофа»). Город пожирает людей [15, с. 343]. Он – живое существо, питающееся энергией, силами людей, соками жизни и отравляющее недра, а человеческая жизнь – лишь средство для поддержания его жизнедеятельности [16, с. 66]. Антитеза «деревня – город» в белорусской антиутопии синонимична дихотомии «природа» и «цивилизация».

Во многих белорусских антиутопиях Город отождествляется с безнравственностью, массовой культурой, выступает средоточием зла, опасности, смерти. На наш взгляд, Город можно считать специфическим белорусским архетипом, генетически восходящим к библейскому «грешному городу». В национальной картине мира белорусов образ Города получает дополнительные нюансы (негативные коннотации), поскольку он разрушает традиционную культуру, является форпостом индустриальной посттрадиционной культуры.

В повести А. Адамовича «Последняя пастораль» (1987) важную роль играет архетип самости. Триада, образуемая тремя героями повести, является, в соответствии с авторским замыслом, сочетанием воды, неба и земли – символической полнотой и целостностью, без которой вселенная становится холодной и неодолимой. В полном соответствии с архетипической теорией К.Г. Юнга, триада здесь – символ самости, целостности, гармонии. Путь к достижению самости герою указывает анима – женский персонаж.

Этнокультурный архетип Матери-Земли проявляется в эпизоде с выращиванием берёз. Герои повести по крупицам, как драгоценность, собирают землю со всего острова, чтобы вырастить берёзки (их девять, это сакральное число, символ Абсолютной целостности и гармонии, мудрости и любви). В чуждом климате (экваториальном) берёзовая рощица, как уголок родной земли. Берёза связана с архетипом Матери. Известно, что у восточных славян, так же как у многих народов мира, дерево (в частности, берёза) связано с Великой Богиней (Богиней-Матерью), это её ипостась [17, с. 156 – 157]. Нанизываются образы: «семейная пещера»/нора (семья – союз любящих, гармония; пещера – безопасное место, женский, материнский символ, наименование «нора» показывает на принадлежность земному пространству), прижавшиеся друг к другу берёзки (берёза – славянское дерево-оберег, этнокультурный архетип), земля. Кроме того, А. Адамович прямо называет героиню, персонафицирующую всех женщин, Землёй.

В повести образ земли как «родного угла» расширяется до планетарных масштабов. Про атомную войну автор пишет как про величайший грех против Матери-Земли.

В фантастическом рассказе А. Наварича «Возвращение сыновей» (1989), который построен на метафоре бега (главный герой совершает побег из мира несвободы) и отражает процесс индивидуации, центральный архетип оказывается скрытым: на него намекает лишь название антиутопии. Анализ тематики и символики рассказа показал, что произведение посвящено проблеме отрыва человека от биологических корней и от традиционной культуры. В ходе интервью А. Наварич пояснил, что «Возвращение сыновей» – это возвращение к Родине-матери, а обретение главным героем человеческой речи, это метафорически изображённый возврат к белорусскому языку. Таким образом, центральным этнокультурным архетипом, определяющим весь рассказ, его главную идею, является архетип Родины-матери, тесно ассоциированный со свободой и белорусским языком.

В антиутопическом рассказе «Корова», написанном О. Минкиным в 1988 г., центральным мотивом является мотив замирающей, угасающей жизни. На угольно-черной пустоши среди огромных пирамид мусора, в деревне, в которой нет ни одного дерева, нет чистой травы, живет человек. Герой описывается, как нечто почти неживое (он, словно кукла, утопленник и т.п.). Единственное, что привязывает его к жизни, это корова. Людей терроризируют вооруженные группы (архетипический образ тени). Хозяин лишается коровы, и жизнь его теряет смысл. Пробежавшая крыса с «нечеловечески разумным взглядом» (хтоническое животное, воплощение смерти) как бы проводит черту между жизнью и смертью, отсекая корову от хозяина, а после пропажи/гибели коровы опасность приближается слишком близко к самому человеку. Тема угасания жизни, «окаменения» звучит отчетливо: вместо коровы герой находит валун, в финале рассказа герой каменеет лицом, человек с пустыми глазами «поднимается» в пустое небо. На языке символов «подняться в небо», это уйти в потусторонний мир. Ряд образов и мотивов (человек с лицом покойника, пустота, черная пустошь, нехватка воздуха, камень вместо живого и т.п.) связан со смертью. Автор выстраивает смысловую цепочку: нет земли (чистой, пригодной для пастбы) – нет коровы-кормилицы – нет жизни. Это ещё раз показывает, насколько важен этнокультурный архетип Земли для белорусской культуры.

В антиутопической притче «Музыка» В. Быкова из книги «Пахаджане» (1999 – 2000) наличествуют этнокультурные архетипы Звезды и Музыка/Песни, причём оба связаны с темой судьбы народа. Музыка герой рассказа ощущает как зов предков, как нечто сакральное, связывающее с Родиной, как реквием, выражающий гнев и горе Земли. Учитывая формирование архетипа Музыка/Песни в культуре XX столетия, в частности колосовское понимание музыки, можно заключить, что Музыка ассоциируется с душой белорусского народа, это как бы персонафикация народа, его духовная квинтэссенция.

Заключение. Изучение литературных произведений с точки зрения архетипологии даёт возможность выявить ранее не изученные аспекты культурных текстов. На примере белорусской антиутопии были показаны ключевые этнокультурные архетипы: архетип Города, Земли, Родины-матери, Музыка (Песни), Звезды. Архетипический пласт белорусской культуры ещё не достаточно разработан, и данное исследование является авторским вкладом в отечественную герменевтику и симвонологию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юнг, К.Г. Божественный ребенок: аналитическая психология и воспитание: сб.: пер. с нем. / К.Г. Юнг; сост. и авт. предисл. П.С. Гуревич. – М.: Олимп; Назрань: АСТ, 1997. – 398 с.
2. Юнг, К.Г. Избранное / К.Г. Юнг; предисл. Н.Ф. Калининой. – Минск: Попурри, 1998. – 443 с.
3. Фрейд, З. О психоанализе: лекции / З. Фрейд. – Минск: Харвест, 2003. – 416 с.
4. Кажухоўская, Л.С. Станаўленне і карэляцыя базісных сімвалаў у нацыянальнай мастацкай карціне свету беларусаў: дыс. ... канд. культуралогіі: 24.00.01 / Л.С. Кажухоўская. – Мінск, 2003. – 121 л.
5. Конан, В. Архетипы нашей культуры / В. Конан // Адукацыя і выхаванне. – 1996. – № 1. – С. 16 – 21.
6. Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Большая рос. энцикл., 2000. – Т. 1. – 672 с.
7. Дикманн, Х. Юнгианский анализ волшебных сказок. Сказание и иносказание. Приложение: Методы аналитической психологии / Х. Дикманн; пер. Г.Л. Дроздецкой и В.В. Зеленского; под общ. ред. В.В. Зеленского. – СПб.: Академ. проект, 2000. – 253 с.
8. Агафонова, Н.А. Общая теория кино и основы анализа фильма / Н.А. Агафонова. – Минск: Тесей, 2008. – 389 с.
9. Гибсон, Т. Юнгианская психология и образ души в современном кино: CIN-IMAGO DEI / Т. Гибсон // Московская ассоциация аналитической психологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maar.ru/library/book/59/>. – Дата доступа: 31.12.2010.
10. Чарота, І.А. Пошук спрадвечнай існасці: Беларуская літаратура XX стагоддзя ў працэсах нацыянальнага самавызначэння. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995. – 159 с.
11. Мірончык, Я.І. Беларускія архетыпы ў мастацкім адлюстраванні Якуба Коласа / Я.І. Мірончык // Весн. Беларус. дзярж. пед. ун-та. – 1996. – № 4. – С. 33 – 37.
12. Шамякіна, Т.І. Беларуская класічная літаратура і міфалогія / Т.І. Шамякіна. – Минск: БДУ, 2001. – 186 с.
13. Смольскі, Р.Б. На скрыжаванні: тэатр у працэсах станаўлення і развіцця гістарычнай і нацыянальнай свядомасці беларусаў / Р.Б. Смольскі; НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору, Беларус. акад. мастацтваў. – Мінск: Беларус. навука, 1999. – 231 с.
14. Подокшин, С.А. Философ-гуманист Юзеф Доманевский / С.А. Подокшин // Идеи гуманизма в общественно-политической и философской мысли Белоруссии: докт. период. / Акад. наук БССР, Ин-т философии и права; редкол.: К.П. Буслов (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 1977. – С. 51 – 74.
15. Скобелев, Э.М. Катастрофа: роман / Э.М. Скобелев; [авт. предисл. А. Адамович]. – Минск: Маст. літ., 1984. – 349 с.
16. Гигевич, В. Крыбаки / В. Гигевич // Неман. – 1993. – № 10. – С. 64 – 98.
17. Голан, А. Миф и символ / А. Голан. – М.: Русслит, 1993. – 375 с.

Поступила 01.04.2011

ETHNOCULTURAL ARCHETYPES IN THE BELARUSIAN DYSTOPIA

E. SVECHNIKOVA

Congenital man ability to structure the experience leads to the formation of culture images – ethnic and cultural archetypes. It is analyzed the archetype interpretation and discussed ethnic and cultural archetypes of City, Earth, Stars and Music, Motherland on Belarusian anti-utopia material. We consider two approaches to archetype understanding: psychoanalytical and philological. Using a Jungian approach to the study of Belarusian culture, the author applies the theory of archetypal symbols and motifs of Belarusian anti-utopia. The study of literary works in terms of archetypology makes it possible to identify previously unstudied aspects of cultural texts. It is shown that the archetypal layer of Belarusian culture has not yet developed sufficiently. This study is a contribution to a national hermeneutics and simbology.